

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 1.16

DOI: 10.17223/1998863X/34/16

Г.Г. Антух

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СУЖДЕНИЯХ И ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

Рассматривается проблема соотношения логики и мышления. В контексте вопроса о происхождении закона непротиворечия рассматривается точка зрения, согласно которой природа логических принципов имеет два основания: логическое и психологическое. Проводится исследование эмпирико-психологических предпосылок к причине долженствования предписываемому законом непротиворечия правилу. Проблема взаимоисключения противоречивых суждений и соответствующих им актов высказывания актуализирует вопрос о существенных различиях между мышлением, языком и реальной практикой высказывания. Обсуждаются критерии осмысленности высказываний. Делается вывод о психологической природе принципа непротиворечия.

Ключевые слова: логика, мышления, противоречие, суждение, высказывание.

В самом простом хрестоматийном варианте логика определяется как «наука о правильном мышлении». Пусть так, но любознательный человек всегда может спросить: «Если есть наука о “правильном мышлении”, значит должна быть наука о “неправильном мышлении”?» – или более конкретный вопрос: «Что такое “правильное мышление” и как его отличить от “неправильного”?». Положим, существует некоторый «нелогичный логик», который рассуждает следующим образом: «Все римские императоры были людьми. Я человек. Значит я римский император». Является ли данное умозаключение примером того, что следовало бы назвать *неправильным мышлением*? Бесспорно, но что можно возразить «нелогичному логик», в случае, если он твердо убежден в правоте своих измышлений? Единственно так это обратить его внимание на явное противоречие того способа, при помощи которого он пришел к такому выводу, с теми принципами, которые принято называть формальными законами логики. В свою очередь, «нелогичный логик» имеет право оппонировать: «Закон – это ведь то, что нельзя нарушить, например нельзя нарушить закон всемирного тяготения и, преодолев силу тяжести, воспарить по одному лишь волею над землей; если я могу рассуждать, так как я рассуждаю, значит это уже не закон, и, следовательно, я ничего не нарушаю. И вообще, спросит «нелогичный логик», откуда берутся законы логики и для чего они нужны?».

Что интересно, но на эти и другие вопросы «нелогичного логика» в разное время философы отвечали по-разному. Ведь даже самые очевидные, простые и многократно удостоверенные своей неизменной универсальностью положения на деле могут оказаться не такими уж и бесспорными. Впрочем, кто станет сомневаться, скажем, в логике Аристотеля – в принципах, давно

устоявшихся и принятых в качестве фундаментальных законов *правильного мышления*? Однако можно ли в них не сомневаться, если, кроме общепринятой значимости, никакой другой необходимости в следовании приписываемым логикой правилам нет. Это показывает простой пример с «нелогичным логиком». Ясно одно, законы логики носят необязательный характер, но в чем кроется принуждающая к долженствованию сила логических положений? Что следовало бы предложить «нелогичному логиком» в качестве ответа на вопрос: откуда берутся законы логики и зачем они нужны?

Для того чтобы хоть как-то прояснить ситуацию,³ имеет смысл обратиться к этим самым законам, а именно к одному из основополагающих принципов «науки о правильном мышлении», всегда считавшимся достоверным, абсолютно безошибочным и точным принципом – к закону непротиворечия (ЗН).

1. О двух принципах противоречия

Чаще всего в философских дискуссиях, связанных с проблемой происхождения ЗН, приводится следующая цитата из «Метафизики» Аристотеля:

«Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле» [1. С. 63].

По мнению известного критика аристотелевской аксиоматики Я. Лукасевича, данный принцип может быть сведен к более общей онтологической формулировке типа: «Невозможно, чтобы что-то одновременно и было и не было» [2]. Далее, из онтологического положения следует как минимум два различных с теоретико-познавательной точки зрения принципа: логический и психологический.

(1) **Логический принцип противоречия.** Обнаруживает себя в «Метафизике» в виде положения:

«Из всех принципов наиболее верный тот, что противоречащие суждения не являются одновременно истинными» [2. С. 60].

Другими словами, для каждой пары противоречащих суждений данный принцип устанавливает правило, которое гласит: если одно суждение истинно, то другое, противоречащее ему суждение, с необходимостью – ложно. Под суждением стоит понимать всякое предложение, в котором сказуемое связано с - и/или может стоять в каком-либо отношении к подлежащему. В терминах логики данный тип отношения соответствует отношению предиката к субъекту, следовательно, любое высказанное суждение формы *S* есть *P* является противоречащим суждению формы *S* не есть *P*, где «*S*» – это субъект суждения, т.е. предмет, относительно которого некоторое приписываемое ему свойство «*P*» выступает предикатом. Для примера, противоречащими, т.е. противоречащими друг другу, суждениями могут быть: «Свинец является металлом» и «Свинец не является металлом», «Единороги существуют» и «Единороги не существуют», «Все люди смертны» и «Некоторые из людей бессмертны» и т.д.

Вторым следствием *principium contradictionis* является

(2) **Психологический принцип противоречия.** Данный принцип, согласно Аристотелю, заключается в том, что:

«Никто не может верить, что нечто есть, и одновременно верить, что то же самое не есть» [2. С. 61].

Лукасевич приходит к выводу, что в этом виде ЗН является чисто психологическим законом, устанавливающим правило: два противоречащих акта веры не могут существовать одновременно. Под актом веры стоит понимать психический акт или психическое состояние, свидетельствующее об убежденности в том или ином положении дел. Каждому акту веры, полагает Лукасевич, соответствует факт логики в качестве некоторого утвердительного или отрицательного предложения, т.е. верить или быть убежденным можно только в то, что *есть* или *не есть*, что что-то является таковым или не является таковым.

Теперь представим себе ситуацию, в которой «нелогичный логик», пусть и рискуя натолкнуться на возражение, отсылающее его к закону непротиворечия, вдруг выскажет что-то вроде: «Снег белый тогда и только тогда, когда снег не белый». Что способно убедить «нелогичного логика» в недопустимости подобного рода высказываний, если он, недоумевая, наивно, но по своему проницательно спросит: «Почему недопустимо?».

Как стало понятно, существует минимум две точки зрения на природу принципа противоречия: логическая и психологическая. Логическая точка зрения выглядит для «нелогичного логика» неубедительной; возможно, имеет смысл обратиться к психологической?

2. Психологическая точка зрения

Одним из сторонников психологической точки зрения на проблему происхождения логических принципов был английский философ Дж. Ст. Милль. Он, в частности, полагал, что ЗН является исключительно психологическим законом, корнящимся в структуре самой реальности или природе вещей, доступной нам посредством наиболее привычных и ближайших обобщений из опыта. Для прояснения этого, считал Милль, достаточно обратиться к простейшим наблюдениям: «Свет и тьма, звук и тишина, движение и покой, равенство и неравенство, предыдущее и последующее, последовательность и одновременность и вообще всякое положительное и соответствующее ему отрицательное явление, представляют собой факты различные, стоящие в резкой противоположности друг с другом; одного из них всегда не бывает налицо, раз присутствует другой» [3. С. 237]. Неизменным критерием удостоверения в истинности того или иного положения дел служит неспособность/невозможность представить его себе ложным, а потому для высказывания, к примеру, «Светит солнце», доказательством истинности служит твердая убежденность в том, что оно действительно светит. «Если я, – пишет Милль, – уверен, что я чувствую холод, я признаю это истинным только потому, что я не могу представить себе, чтобы я не чувствовал холода» [3. С. 226]. Все это, по мнению английского философа, предшествует действительной *аксиоме* непротиворечия.

О чем-то похожем писал Г. Спенсер, утверждая, что «никакое положительное состояние сознания не может появиться, не исключив соответствующего отрицательного, и, наоборот, никакое отрицательное состояние не может появиться, не исключив соответствующего положительного» [4. С. 83]. Спенсер приводил такой пример. Если попытаться представить себе некоторый предмет сначала красным, а затем некрасным, то наверняка про-

тивоположные акты представления «красного» и «некрасного» будут исключать друг друга, т.е. представляемый предмет не может быть красным и некрасным одновременно. По существу, и Милль, и Спенсер видят в *principium contradictionis* наиболее общий, усматриваемый повсеместно закон, обнаруживающий себя в опыте индивидуальной интроспективной практики, только для первого мыслителя данный закон основывается на взаимоисключающих актах веры [belief], а для второго – на актах представления, т.е. на свойстве сознания к взаимоисключению некомплементарных актов представления.

Но главным в этом вопросе является нечто другое. А именно, что всякая убежденность в истинности некоторого положения дел существует только лишь за счет немыслимости¹ отрицания этой убежденности, потому как немыслимость отрицания чего-то становится логическим обоснованием этой самой убежденности. Если отрицание той или иной убежденности немыслимо, то есть все основания говорить о константности этой убежденности и неизменном сопутствии немыслимости его отрицания. Тут-то и зарождается фундаментальное основание для того, что называется ЗН, устанавливающим, помимо всякой необходимости, правило, согласно которому следует мыслить так, а не иначе. В каждом акте мышления немыслимость отрицания объекта, относительно которого существует известная убежденность, служит свидетельством истинности данной убежденности; очевидная всеобщность данного принципа в каждом наблюдаемом явлении подтверждает его достоверность.

Поэтому ответ на вопрос: «Почему недопустимо судить противоречиво?», с учетом разъясненной точки зрения на происхождение ЗН, был бы таков: «Судить противоречиво – значит то же, что и мыслить противоречиво, но если мыслить противоречиво нельзя, то и судить, соответственно, тоже». Во всяком случае, английский эмпиризм в лице Дж.Ст. Милля и Г. Спенсера на том настаивает.

3. Спорное обстоятельство

Тем не менее вопрос, касающийся возможности выносить противоречивые суждения, содержит в себе спорное обстоятельство, заключающееся в том, что между некоторым положением дел, суждением относительно данного положения дел и реальным высказыванием, существует большая разница; первое связано исключительно с онтологическими предпосылками суждения, второе – с мышлением и языком, третье – языком и речью. Первого касаться не имеет большого смысла, поскольку из параграфа 2 следует, что для каждого высказывания существует известная убежденность, истинность которой безотносительна к какой бы то ни было реальности. Но вот разница между суждением и *реальным высказыванием* кажется более интересной.

Как было сказано в параграфе 1, суждением может называться любое предложение, соответствующее логической форме – *S* есть *P*. Высказыванием же следует считать языковую экспозицию некоторого суждения, данную в эквивалентных выбранному языку единицах значения, т.е. знаках. Суждение может быть доступно только посредством высказывания – это значит, что не

¹ «Немыслимость» в данном случае стоит понимать как невозможность быть уверенным в чем-либо, но не как то, о чем нельзя мыслить, в прямом смысле слова.

существует¹ суждений, которые не могут быть высказанными. Однако не все то, что имеет возможность быть высказанным, следует считать экспозицией некоторого суждения, потому как представленные в речи/языке реальные высказывания не всегда содержат очевидную структуру суждения или в принципе ее не содержат.

Высказывания без очевидной структуры суждения

К примеру, человек, которого облил водой из лужи проезжающий мимо автомобиль, может сказать: «Вот так денек!» или «Чертовщина какая-то!». На первый взгляд, в данных высказываниях отсутствует характерная для суждения структура – в них будто бы ничего не утверждается; с другой стороны, зная контекстную ситуацию, в которой данные высказывания имели место, не составит труда осуществить их интерпретацию. Высказывание «Вот так денек!», можно перефразировать как: «Сегодняшний день есть не самый лучший день» или «Сегодняшний день включает в себя (вышеописанное) неблагоприятное происшествие». Таким образом, подразумеваемый предикат в высказывании «Вот так денек!» может наличествовать в любой, допустимой для лингвистической интерпретации форме. В случае с высказыванием «Чертовщина какая-то!» ситуация похожая, только в этот раз незавершенная предикация возникает за счет неочевидного наличия субъекта суждения. В завершенном виде это могло бы выглядеть как: «Произошедшее есть “чертовщина какая-то”».

Все это наглядно показывает, как высказывания, не соответствующие по форме структуре суждения, могут все же экспонировать некоторое суждение. Решающую роль здесь, конечно, играет контекст. Если контекстная ситуация неизвестна, тогда осуществить преобразование или домысливание подобных высказываний вряд ли получится, а значит, такие высказывания не могут считаться суждениями, однако это не мешает им оставаться потенциально контекстными, т.е. потенциально являться суждениями. Неполнота языковой экспозиции еще не означает неполноту формально-логической связи.

Бессмысленные высказывания

Необходимым условием для всякого высказывания, экспонирующего то или иное суждение, является его осмысленность, т.е. смысловая связность его частей – субъекта и предиката. Критерием, по которому то или иное высказывание следует считать осмысленным, служит возможность его формально-логической интерпретации, т.е. возможность придать экспонируемому в данном высказывании суждению значение истинности или ложности. Возьмем высказывание: «Число π есть натуральное число». Для того чтобы выяснить, является данное высказывание истинным или ложным, достаточно обратиться к определению натуральных чисел, из которого станет понятно, что дробные числа не входят в ряд натуральных чисел. Следовательно, высказывание «Число π есть натуральное число», является ложным.

¹ Имеется в виду, что суждения, которые не могут быть высказаны, не существуют в качестве познаваемой экспозиции логического замысла данного суждения. О них ничего неизвестно.

Другое высказывание: «Сейчас за окном светит солнце», – требует иной процедуры, названной в логическом позитивизме «верификацией». Верификация заключается в опытным удостоверении истинности экспонируемого в высказывании суждения. Достаточно просто выглянуть в окно и убедиться в том, светит ли в известный момент солнце или нет. Если да, то высказывание истинно, нет – ложно. В первом примере с числом π удостоверение в истинности высказывания осуществляется логико-дедуктивным способом, во втором – способом эмпирического исследования. И в том, и в другом случае имеется возможность установить значение экспонируемого в высказывании суждения. Такие высказывания нельзя считать бессмысленными, поскольку в них обнаруживаются необходимые для структуры суждения отношения субъекта и предиката.

К бессмысленным высказываниям относятся все те высказывания, которые невозможно представить в качестве экспозиции некоторого суждения. Такие высказывания являются либо непереводаемыми, либо неинтерпретируемыми.

Непереводимые высказывания с мнимой структурой суждения

Допустим, «нелогичный логик» выскажет что-то вроде: «Абракадабра есть окноногая дребедень». На первый взгляд, данное предложение демонстрирует грамматическую и формально-логическую связность содержащихся в нем частей: присутствуют некоторое S – «Абракадабра» и приписываемое ему P – «окноногая дребедень», а также логическая связка «есть». Однако установление какой бы то ни было смысловой связности в нем не представляется возможным, даже с учетом внешнего грамматического сходства с осмысленным предложением. Главным образом, этому мешает то обстоятельство, что понятие «абракадабры» и понятие «окноногой дребедени» не доступны переводу, а потому и осмыслению. Неизвестно, каким образом субъект данного высказывания связан с предикатом, неизвестно вообще, является ли субъект субъектом, а предикат предикатом – неизвестно абсолютно ничего; возможность установления значения истинности или ложности данного высказывания исключена. Но значит ли это, что за подобного рода бессмысленным высказыванием не может скрываться суждение? Совершенно нет.

Проблема заключается в используемом «нелогичным логиком» языке. Данный язык может быть понятен ему, но не понятен другим. Нельзя также исключать возможность, что существует еще один «логик», который может совершить деконструкцию этого высказывания. Это значит, что языковая экспозиция суждения в реальном высказывании так или иначе зависит от индивидуальной способности субъекта высказывания совершать конструкцию/деконструкцию конкретного грамматического соединения. Данная проблема является скорее языковой, нежели логической. Однако она, так или иначе, сопряжена со следующим типом высказываний – с неинтерпретируемыми высказываниями, поэтому ее стоило рассмотреть отдельно.

Неинтерпретируемые высказывания

Особое место среди *реальных высказываний* занимают неинтерпретируемые высказывания. Так, Л. Леви-Брюль, исследуя проблему пралогического мышления, ссылаясь на пример, показывающий то, как в «примитивном»

мышлении первобытных народов может игнорироваться закон непротиворечия. У индейцев «бороро», населяющих северную часть Бразилии, распространено убеждение, что они есть красные арара (попугаи). Леви-Брюль уточнял: «Это вовсе не значит, что только после смерти бороро превращаются в арара или что арара являются превращенными в бороро и поэтому достойны соответствующего обращения. Нет, дело обстоит совершенно иначе. Это не имя, которое они себе дают, это также не провозглашение своего родства с арара, нет. Бороро настаивают, что между ними и арара присутствует тождество по существу» [5. С. 63]. Объясняя подобные противоречия, возникающие в первобытном мышлении, Леви-Брюль опирался на понятие партиципации. Партиципация мышления характеризуется установлением в суждениях противоречивых связей и отношений между вещами. Леви-Брюль полагал, что закон партиципации распространяется на все союзы тотемического характера, в которых члены тотемической группы отождествляют себя со своим тотемом. «С динамической точки зрения, – писал Леви-Брюль, – возникновение существ, явлений того или иного события представляет собой результат мистического действия, которое при определенных мистических условиях передается от одного предмета или существа к другому» [5. С. 63]. Другими словами, пралогическое мышление характеризуется способностью устанавливать неспецифические связи между вещами за счет мистического осмысления действительности. Иного объяснения Леви-Брюль не нашел.

По мнению Л. Выготского, интерпретация Леви-Брюля является в корне неверной. Когда один из бороро считает себя красным арара и по существу выносит суждение: «Я – индеец бороро есть красный попугай», – он не отождествляет себя с попугаем в том смысле, в котором можно было бы интерпретировать данное высказывание, если бы бороро обладали привычным для нас понятийным мышлением. Ошибка Леви-Брюля как раз и состояла в попытке экстраполировать логику суждений на логику примитивного мышления. «Но так как для бороро слова не являются носителями понятий, – отмечает Выготский, а являются только формальными обозначениями конкретных предметов, то для них это утверждение имеет совершенно другой смысл» [6. С. 151]. Слово «арара», обозначающее красных попугаев, является у бороро общим именем для известного комплекса предметов; в данный комплекс входят и люди, и попугаи. Иначе говоря, слово на примитивной ступени развития мышления не подразумевает под собой какое бы то ни было понятие, а имеет функцию «фамильного знака», объединяющего группы родственных впечатлений и предметов.

Что интересно, комплексное мышление свойственно не только представителям первобытных народов. Психиатр А. Шторх, изучая мышление людей, страдающих шизофренией, обнаружил у них характерные для архаически примитивного мышления признаки партиципации. Более того, данный тип мышления, по мнению Выготского, является этапом естественного онтогенеза, который проходит всякое мышление на пути к мышлению в понятиях. Поэтому нет ничего странного в том, что дети порой высказывают, казалось бы, совершенно бессвязные предложения. Стоит ли в таком случае считать выражение «круглый квадрат» противоречивым? Или относить к абсурдным, предположение о возможности существования «четырёхугольного треугольника»?

Ясно одно – реальные высказывания даже с учетом наличия в них очевидной структуры суждения и возможности адекватного перевода – могут оказаться с позиции логики понятий не интерпретируемыми, т.е. бессмысленными.

4. Следствия из спорного обстоятельства

Возвращаясь к двум позициям ЗН, стоит уточнить, что положение, утверждаемое логическим принципом противоречия, содержит общее указание на взаимоисключение истинности контрадикторных суждений. Данный принцип постулирует универсальное правило для всякого рода суждений, безотносительно их содержания и способа экспонирования в высказывании. Логический принцип противоречия не отвечает на вопрос о происхождении ЗН, а также ничего не говорит о причине долженствования и необходимости следования предписываемому им правилу.

Вместе с тем параграф 3 показывает, что проблема противоречия суждений скрывает в себе другую проблему, заключающуюся в неоднородности структуры суждений среди множества способов экспонирования логического замысла в реальных высказываниях. Согласившись с тем, что суждение – это форма мышления, утверждающая известную связь между предметом и его свойством, необходимо понимать, что эта связь имеет характер формально-логической идеальной структуры суждения. Так, высказывание «нелогичного логика» «Снег белый тогда и только тогда, когда снег не белый», с точки зрения чисто формальной интерпретации и перевода с естественного языка на язык логики, выглядело бы как противоречивое высказывание, устанавливающее истинность контрадикторных суждений. Однако прежде чем говорить о том, что «нелогичный логик» высказывает противоречивые вещи, необходимо, чтобы его высказывания являлись действительной экспозицией некоторого суждения, а не набором случайных знаков; необходимо, чтобы «нелогичного логика» о чем-то действительно судил.

Как стало понятно, для того, чтобы то или иное суждение можно было считать таковым, т.е. чтобы ему можно было придать значение истинности или ложности, экспозиция данного суждения должна быть полной и осмысленной. Допустим, что высказывание «нелогичного логика» является полным и его содержание не зависит от контекстной ситуации. Тогда остается решить – является ли данное высказывание осмысленным. Для этого необходимо, как минимум, удостовериться в возможности адекватного перевода и интерпретации этого высказывания. Из параграфа 3 следует, что для каждого высказывания не существует хоть сколько-нибудь универсального правила, согласно которому та или иная языковая экспозиция могла бы быть приведена к структуре суждения. Даже если предположить, что высказывание «нелогичного логика» является переводимым, нельзя быть уверенным в том, что интерпретация данного высказывания будет адекватна логическому замыслу «нелогичного логика». В таком случае реальные высказывания всегда остаются бессмысленными и осмысленными одновременно, и нет никаких оснований полагать, что высказывание: «Снег белый тогда и только тогда, когда снег не белый», является однозначно противоречивым, по крайней мере, до

тех пор, пока не станет известно, возможно ли осуществить адекватную интерпретацию данного высказывания.

Таким образом, помимо психологической константы – убежденности, для каждого суждения необходимым условием является наличие логического замысла в структуре суждения. Строго говоря, суждение может существовать только в контексте конкретного акта полагания/мышления, т.е. в контексте реально-психологических условий реализации логического замысла. Получается, что логический принцип противоречия изначально включает в себя психологические основания, и причина долженствования в следовании правилу, предписываемому ЗН, коренится в структуре мышления и не выходит за его пределы.

Итоги

В результате данного исследования выяснилось, что вопрос о происхождении законов логики является сложным, многогранным и в высшей степени непростым вопросом. Из двух точек зрения на происхождение ЗН логическая точка зрения не выдерживает критики, так как:

1) прежде всякого высказывания необходимым условием утверждения истинностного коррелята экспонируемого в высказывании суждения выступает уверенность/убежденность/вера в некотором положении дел, относительно которого данное суждение имеет место;

2) в свою очередь, структура суждения (как показано в параграфе 3) не может считаться универсальной конституцией для всякого рода *реальных высказываний*;

3) даже с учетом полноты кажущейся осмысленности и фактической переводимости того или иного реального высказывания нельзя с уверенностью полагать, что декларируемая в высказывании структура суждения будет соответствовать действительному положению дел;

4) также всякое реальное высказывание, будучи бессмысленным, в любой другой ситуации может оказаться осмысленным. Иначе говоря, бессмысленные высказывания являются вероятностно осмысленными.

Все это говорит в пользу того, что вопрос о происхождении законов логики не может ограничиваться одной лишь идеально-логической, формальной стороной дела. Пример с туземцами бороро показывает, что даже осмысленные и переводимые высказывания могут быть не интерпретируемы с позиции логики понятий, но объяснимы с позиции мышления в комплексах. Следовательно, проблема происхождения логических принципов не может быть решена без логико-психологического анализа предметной соотнесенности: мышление – логическое мышление – язык – речь.

Литература

1. Аристотель. Метафизика / пер. А. В. Кубицкого. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
2. Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. М.; СПб., 2012.
3. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ.; предисл. и прил. В. К. Финна. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2011.

4. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э. А. Бернштейна; под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова. М.: Академический проект, 2011.

5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.

6. Выготский Л. В. Мышление и Речь. М., 1999.

Antukh Gennadij G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

DOI: 10.17223/1998863X/34/16

THE ORIGIN OF THE CONTRADICTIONS IN PROPOSITIONS AND STATEMENTS

Keywords: logic, thinking, contradiction, proposition, statement

This paper is devoted to the relation problem of logic and thinking. In the context of issue concerning origin of the principle of contradiction considered the point of view according to which the nature of logical principles involves two bases: logical and psychological. A study of empirical-psychological prerequisites to the cause of ought that attributed to rule by the principle of contradiction is underway. The problem of opposite between contradicting proposition and acts of statements actualizes the question of the essential differences between thinking, language and real practice of statements. Meaningfulness criteria of statements are discussed. The conclusion is that the principle of contradiction has psychological nature.

References

1. Aristotle. (1934) *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Sotsekiz.
2. Lukasevich, Ya. (2012) *O printsipe protivorechiya u Aristotelya* [On Aristotle's Principle of Contradiction]. Translated from Polish by B.T. Dombrovsky. Moscow; St. Petersburg: TsGI.
3. Mill, J.St. (2011) *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy: Izlozhenie printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya* [A System of Rationative and Inductive Logic]. Translated from English by V.N. Ivanovsky. 5th ed. Moscow: LENAND.
4. Husserl, E. (2011) *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Translated from German by E.A. Bernstein. Moscow: Akademicheskij projekt.
5. Levy-Bruhl, L. (1994) *Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Translated from French by B. Sharevskaya. Moscow: Pedagogika-Press.
6. Vygotsky, L.S. (1999) *Myshlenie i Rech'* [Thinking and Speech]. 5th ed. Moscow: Labirint.